

"...И красный гимн поют свирели"

Журнал революционной сатиры "Бомба" (1917-1918), выходявший под редакцией Незнакомца, до сих пор остается для нас образцом профессионального периодического издания одного из самых сложных жанров и направлений. Опытнейший редактор Борис Давыдович Флит (Незнакомец) сумел со времен издания журнала "Крокодил" (1911-1912) сохранить творческие связи со многими журналистами, поэтами и художниками, а также привлечь молодых Ю. Олешу, В. Катаева, Б. Бобовича, художников Скифа (Самуил Фикс), Алеко (А. Костюкевич) и многих других, чтобы талантливо и разнообразно отразить сложнейшее время в истории империи, города, отдельно взятого человека.

От эйфории после февральской революции и наивной надежды на светлое и вольное:

СОНЕТ СВОБОДЕ

Я помню день. На шумных площадях,
Над солнечной толпой – пылающие флаги.
В весенних улицах – нестройные ватаги.
Штыки. Гром музыки. Улыбки на губах.

Как хорошо. Прошел недавний страх,
Гнетущий и тупой. И грудь полна отваги,
И весело идти в отчетливых рядах
По таящему льду и по весенней влаге.

Идти – и чувствовать, что за тобой народ,
Что каждый – друг и преданный товарищ,
Что мы идем сквозь чад и дым пожарами.

К чему-то тихому и светлому вперед.
Идем вперед, вперед. И марсельеза
Гремит в ушах, как вольный лязг железа.

Вал. КАТАЕВ

приходило отрезвление, недоумение, сарказм ("...Нет подъема, нет больше экстаза, / Страстных песен, бурлящих рекой... / Вместо яркого счастья – тревога. / Вместо радости – злобный отбой...").

Сначала многие известные авторы, среди которых были, например, Эмиль Кроткий, Дон-Аминадо, сам Незнакомец, увлеклись сатирой на царя и его окружение, после чего в "Бомбе" появились стихи талантливого журналиста, подписывающегося "Жак Нуар":

Коллегамъ.

Съ давнихъ поръ мы и доселъ,
Съ каждымъ часомъ все сильнѣй,
Мчимся въ пестрой карусели
Нашихъ нервныхъ шумныхъ дней.

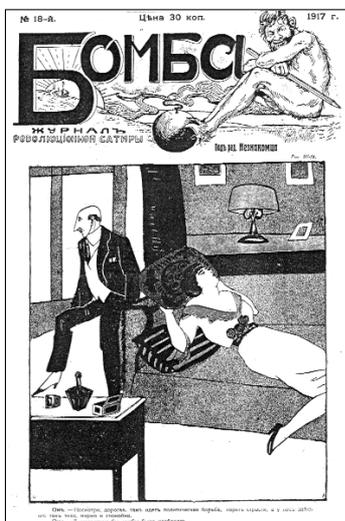
И довольны урожаемъ,
Фактъ смакуя словно ромъ,
Мы мгновенно отражаемъ
Всеобъемлющимъ перомъ.

Нами пущенныя смѣло,
Попадаютъ каждый день
Сатирическія стрѣлы
Въ слишкомъ юркую мишень.

И натянуты тетивы
Отъ утра и до утра.
И звучать, звучать мотивы
Яркой кисти и пера.

Но порою смыслъ ихъ мутенъ.
Какъ другого ни желай:
Вновь Алиса и Распутинъ,
Вновь безвольный Николай.

И прилежные в науках,
Затвердили, как урок,
Вь риомахъ, вь прозѣ, вь шаржахъ, вь
звучахъ

Надоѣдливый лубокъ.

Вы имь должное воздали,
Вызвавъ сильную мигрень.
Но глядите – свѣтлы дали,
И цвѣтеть уже сирень.

Ну ихъ! Сбросьте это бремя:
Надоѣли, право, всѣмъ.
Неужели вь наше время
Нѣтъ гораздо лучшихъ темъ?

Жакъ Нуарь.

Помимо политической сатиры в журнале отражались сложности бытовой жизни одесситов, и вы сможете не раз улыбнуться, прочитав анекдоты с неповторимой одесской интонацией. В одном из номеров напечатана блестящая миниатюра "Час, проведенный с Уайльдом", в которой здорово сочетаются известные парадоксы писателя с парадоксами обыденной жизни того времени. Тут же душевное смятение юноши, переживающего катаклизмы в окружающем мире (рассыпанные во многих номерах журнала стихи молодого Юрия Олеши), а рядом милые салонные стихи Георгия Долинова...

Очередная волна украинизации Одессы, искусственность этой ситуации тут же рождала комическую реакцию художников и авторов миниатюр. Смешно до сих пор.

Вас ждет также настоящий пир графики, наслаждение от рисунков, карикатур и шаржей Михаила Линского, Сандро Фазини, Сигизмунда Олесевича, Mad, Федора Сегаля, Израила Мексина и других мастеров.

Талантливой сатире суждена долгая жизнь. Наверное, поэтому эмоционально откликаешься, читая "Песню о большевике" О. Томского:

"...Стреляют и грабят и тащат вокруг,
И нет от поганых спасенья...
...Несут за собою страданья, испуг,
Насилья, позор, разрушенья..."

Пѣсня о большевикѣ.

Какъ нынѣ собирается "типъ" большевикъ
Отомстить ненавистнымъ эсъ-эрамъ,
Ихъ жизни, безмѣрною злобой великъ,
Обрекъ онъ различнымъ холерамъ.
А съ ними буржуевъ рѣшили за одно
Отправить хоть въ пекло, на самое дно...

Собрались Нахамкесь и онъ же Стекловъ,
Не бывшій лишь въ вѣрѣ татарской,
И Ленинъ, надежный оплотъ босяковъ,
Самъ Троцкій и самъ Луначарскій...
А съ ними матросы съ Кронштадтскихъ твердынь,
И полкъ пулеметчиковъ, — словомъ, аминь!..

Собрались, пошли на столицу въ походъ,
Наносятъ побои и раны,
Трещать пулеметы, — стрѣляютъ въ народъ.
Буржуй! Берегите карманы.
Вотъ юной свободы "цвѣты и красы"
Стащили тотчасъ въ магазинъ часы.

Стрѣляютъ и грабятъ и тащатъ вокругъ,
И нѣтъ отъ поганыхъ спасенья,
Несутъ за собою страданья, испугъ,
Насилья, позоръ, разрушенья.
Ну, словомъ, гуляетъ, отъ радости дикъ,
Товарищъ германца, шпионъ, — большевикъ.

— Держитесь, эсъ-эры! Буржуйамъ конецъ!..
Свои наведемъ мы порядки!..
И вдругъ задрожалъ и бѣжить молодецъ,
Сверкаютъ стремительно пятки.
Да, какъ не летѣть, не дрожать, не бѣжать —
Идетъ на подмогу Правительству рать!..

Нахамкесь отъ страха залѣзъ подъ кровать, —
Отрекся отъ партіи разомъ,
И Троцкій и Ленинъ рѣшили бѣжать,
Конецъ положивъ всѣмъ проказамъ.
И въ спальню къ супругамъ залѣзъ большевикъ,
Пріятель германцевъ, испытанный шпикъ...

Залѣзъ, чтобъ спасенье найти и пріютъ.
Забыты буржуйамъ угрозы.
Быть можетъ, супруги бѣднягу спасутъ,
Утрутъ его горькія слезы!..
И шепчетъ несчастный и жалкій герой:
— Ахъ, Ленинъ, зачѣмъ я пошелъ за тобой?..

Теперь не собирается "типъ" большевикъ
Отмстить ненавистнымъ буржуйамъ,
Сидитъ за рѣшеткой, печалень и дикъ,
Безильною злобой волнуемъ.
Давно ль на Правительство шель молодецъ! —
А нынѣ — ужасный и жалкій конецъ...

О. Томскій ("Жизнь и Судъ")

Вильгельм: Доннерветтер! Я перепугал, гдѣ у меня какой фронтъ! Съ Запада – марсельеза, съ Востока – марсельеза!

Революціонный разсказъ.

Подарокъ молодымъ беллетристамъ.
Экспромтъ.

Въ 140 строчекъ "баррикадъ"
Влить строчекъ 10 "марсельезы".
Взболтать. Прибавить "грустный взглядъ",
По вкусу "грохотъ ми ральезы",
15 строчекъ про "нее": –
Курсистку, 8 – про студента,
13 строчекъ – про "него",
"Свободнаго интеллигента".
Затѣмъ "голпу", "плакаты", "мглу",
Въ "побѣду надъ врагомъ" вмѣшайте,
На керосинку!.. – И къ столу
Въ горячемъ видѣ подавайте!

Валентинъ Катаевъ.

О любознательномъ иностранцѣ. (Поучительная исторія).

Во времена совсѣмъ еще недавнія, прїѣхалъ въ Москву одинъ иностранецъ и услышавъ гдѣ-то слово "царь", очень заинтересовался этимъ словомъ и пожелалъ узнать, что оно означаетъ.

Въ глубокомъ раздумьи пришелъ онъ на нѣкую площадь и увидѣлъ тамъ огромную пушку, а возлѣ нея сложенную кучу большихъ ядеръ.

– Скажите, пожалуйста, – обратился иностранецъ къ стоявшему на посту городовому, – что это за пушка?

– Это царь-пушка!

– Ага! вотъ какъ! Должно быть хорошо стрѣляетъ?

– Не, куда ей стрѣлять! Такъ только для блезиру стоитъ.

Сокрушенно вздохнулъ иностранецъ и пошелъ дальше. Вдругъ видитъ огромный колоколь; нижній край его отбить и отверстие получилось такое, что хоть трамваемъ въѣзжай туда.

– Это что такое? – спросилъ иностранецъ.

– Царь-колоколь, – отвѣтили ему.

– А когда въ него звонять?

– Да никогда!

– Для чего-же его тутъ поставили?

– А такъ, для красоты.

Прояснилось при этихъ словахъ лицо иностранца, вынулъ онъ изъ бокового кармана записную книжку и сдѣлалъ тамъ такую отмѣтку: "съ большимъ трудомъ удалось мнѣ выяснитъ, что приставляя къ названіямъ предметовъ частицу "царь" русскіе хотятъ этимъ показать, что такой предметъ ни на что не годенъ и служить только для декораціи; напримѣръ, царь-пушка, царь-колоколь".

Маноля.

Студенческая весна.

У него сутулая фигура
И в глазах какой-то тусклый свѣтъ.
По утрамъ задумчиво и хмуро
Онъ шагаетъ въ университетъ.

Сидя тамъ на лекціяхъ по "праву",
Въ продолженьи нѣсколькихъ часовъ,
Онъ глотаетъ мутную отраву
Скучныхъ стѣнъ и сѣрыхъ потолковъ.

Въ два часа въ дешевенькой столовкѣ
Скучно ѣсть, попрежнему утрюмъ,
А затѣмъ въ домашней обстановкѣ
Погружаетъ молча въ книги умъ.

Такъ скучна убогая "квартира",
Обстановка: стулъ, кровать и столъ.
Здѣсь всегда накурено и сыро
И немый мѣсяцами полъ.

Дни бѣгутъ, бѣгутъ неутомимо.
Все, слабѣе съ внѣшнимъ міромъ связъ.
Жизнь идетъ волной кипучей мимо,
Надъ аскетомъ бѣшено смѣясь.

Отъ сомнѣній нѣтъ ему покою,
Каждый мигъ встаетъ другой вопросъ...
Подойти бъ и приласкать рукою
Мягкій шелкъ нечесанныхъ волосъ.

"Другъ и братъ, скажи мнѣ, неужели
Ты не вѣришь въ свѣтлую мечту?
Посмотри: поля зазеленѣли

И въ садахъ сирень стоитъ въ цвѣту.
Къ намъ весна явилась съ новой пѣсней
И даритъ улыбки каждый мигъ.
Жизнь, пойми, гораздо интереснѣй
И мудрѣ самыхъ умныхъ книгъ.

Сбрось съ души налетъ тоски суровой
И въ каморку солнце позови.
Нужно жить во имя жизни новой!
Стоитъ жить для счастья и любви!.."

Н. Топузь.

Одесская картинка.

(Содвѣстать съ натурою)

Рис. Филова (Литература)

Три акта.

— Не можете-ли вы въ общихъ чертахъ
разсказать мнѣ историческую схему каждой
революціи?

— Извольте. Это пьеса въ 3-хъ актахъ. Актъ
первый: Всѣ идутъ на одного. Актъ 2-й: Всѣ идутъ
другъ на друга. Актъ 3-й: Одинъ идетъ на всѣхъ.
Конецъ.

А. С-хъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакція „ВЛАСТИ НАРОДА“
проситъ лицъ,
еще не обруганныхъ въ этой газетѣ, сообщить свои
имена и фамилии секретарю редакціи.
Въ виду большого скопленія срочной ругани, лица,
подѣвшія заявленія позже 20 апрѣля,
будутъ обруганы не ранѣе 15-го мая.

Если жизнь для насъ цѣль,
То зачѣмъ на пути
Столько въ розахъ шиповъ,
Столько слезъ и безсонныхъ ночей.

Если жъ смерть для насъ цѣль,
То зачѣмъ на пути
Столько пышныхъ цвѣтовъ
И сіяющихъ страстью очей.

Изъ "Золотой книги"
Черноморскаго Корпуса.

Товарищъ.

Товарищъ-извозчикъ,
Товарищъ-разносчикъ,
Товарищъ-кухарка, товарищъ-курьеръ.
Товарищъ-конторщикъ,
Товарищъ-наборщикъ,
Товарищъ-эс-дэ и товарищъ-эс-эр.

Товарищъ-читатель,
Товарищъ-писатель,
Товарищъ-художникъ, товарищъ поэтъ.

Товарищъ-сапожникъ,
Товарищъ-картежникъ,
Товарищъ-блондинъ и товарищъ-брюнетъ.

Какъ звуки набата на фонѣ пожара,
Несется сей возгласъ — повсюду одинъ:
— Товарищъ! товарищъ! товарищъ! товарищъ!

— Товарищъ, спасите, — оглохъ гражданинъ!

Жакъ Нуаръ.

- Что это за шумъ, на улицѣ?
- Противъ насъ сейчасъ разстрѣляли двухъ прохожихъ.
- А-а... А я думала чтонибудь случилось!..

Обыватель. Направо убьють; нальво — боюсь! Хоть бы ноги у меня отнялись, все же легче было бы: никуда бы не двигался!

Но все же мнѣ мила Одесса,
Гдѣ такъ сиренева сирень,
И отъ зеленого навѣса
Листвы не жарокъ лѣтній день,
Гдѣ въ шумѣ греческихъ кофеенъ
Сидишь экзотикой овѣянь,
Гдѣ на концертахъ, и въ кино,
И въ ресторанахъ — все полно;
Гдѣ у бреквата не смѣшно,
Направивъ жерла въ дальній лобъ,
Стоитъ рѣшительный "Синопъ",
И гдѣ горять поперебѣнно
(Беру для риэмъ "надекатръ")
Сибиряковъ или театрѣ.

Гдѣ слышитъ запоздалый путникъ
Кондукторское "нѣтъ мѣстов",
Гдѣ биржевой ораторъ Гутникъ,
Когда свободы путь готовъ,
Свободы требуетъ народной,
И тамъ, гдѣ Финкель благородный
Собралъ въ потокѣ нѣжныхъ слезѣ

Окурки царскихъ папирозъ;
Гдѣ съ одинаковымъ подъемомъ
Готовы всѣмъ ура кричать
И съ поклоненіемъ бѣжать
Ко всѣмъ прославленнымъ хоромамъ:
Лишь кто-нибудь воздвигъ алтарь —
Керенскій, Линдеръ или царь!

Пора кончать... Въ моемъ разсказѣ
(О, непростительный пробѣлъ!) ...
Я о Хари и Ашкинази
Сказать ни слова не успѣлъ...
Но, впрочемъ, лишняя услуга:
Они вѣдь съ сѣвера до юга
Извѣстны каждому (увы!),
Отъ Аргентины до Москвы,
Отъ Гонулуду до Марса...
Ахъ, что жъ объ Анатра сказать?
Умѣть кой-куда летать,
Пилотъ, любимецъ Каульбарса...
Я умолкаю и на томъ
Поздравлю васъ, друзья, съ концомъ.

Юрій Олеша.

Въ скверѣ.

Изъ цикла "Стиховъ объ Одессѣ".
(Сонетъ).

Вчера надъ моремъ тосковало лѣто,
Юльскій полдень былъ печально сѣръ, —
А я бродилъ, пришелъ въ зеленый скверъ...
Вокругъ листва и небо безъ просвѣта...

Кругомъ театра изъ тумана флеръ.
Все ждетъ дожда — весенняго привѣта...
Въ душѣ печаль, какъ будто пѣснь пропѣта;
Юль груститъ и говоритъ: не вѣрь...

И я не вѣрю. Нудная "разлука"
За зеленью звучитъ издалека.
И тишина. И нѣтъ живого звука...
Но почему? — Вѣдь осень не близка!

А надъ цвѣтами, надъ театромъ скука
И тишина. А на душѣ тоска.

Юрій Олеша.

Сиреневое рондо.

По полямъ скитался цѣлый день —
Все вокругъ такъ солнечно, такъ молодо,
А вдали надъ дымомъ деревень
Разлилось негаснущее золото...
По садамъ кудрявится сирень,
И сирень къ груди моей приколота, —
Хорошо, и сладостно, и лѣнь,
И горитъ сиреневое золото...

Юрій Олеша.

Апрѣль.

Изъ цикла "Стиховъ объ Одессѣ"

Сегодня воздухъ чистъ и свѣтлъ
И пахнетъ моремъ... А вдали,
Надъ городомъ, какъ будто вѣтеръ
По небу гонитъ корабли...

И улицы сегодня громки,
Отъ словъ, трамваевъ и каретъ,
И въ быстромъ взглядѣ незнакомки
Встрѣчаешь ласковый привѣтъ...

А вечеромъ, когда такъ ярки
Въ зеленомъ небѣ фонари,
Все золотится въ голомъ паркѣ,
Отъ угасающей зари...

Юрій Олеша.

ОБ ОДЕССКОМ ЯЗЫКЕ

"Человек — это слог" (по Бюффону). Речь одессита ярка, красочна, неглубока по содержанию, но эластична, остроумием не блещет, но иногда ослепляет или же ударяет в нос, подобно хорошей одесской сельгерской воде. Ощущение получается не то, чтобы уж очень неприятное, но с привычки не всякий переносит.

Прежде всего, заметим, что одессит — это особая разновидность людей, с национальностью несколько не связанная; это русский, еврей, грек, армянин и т. д. Это всякий человек, не обязательно родившийся в Одессе, но, во всяком случае, настолько любящий этот город, что, находясь на Монблане или в лазуревом гроте острова Капри, вдруг иногда вздохнет и скажет: ах, Одесса-мама!

Вот у детей этой мамы и существуют особые выражения; назовем их "одессизмами" в pendant к галлицизмам и т. п., словам и выражениям, свойственным определенным народностям и непереводимым на другие языки.

Многие одессизмы распространяются за пределы родного города и их можно услышать в Маяках, Слободке-Романовке, Аккермане и даже Балте.

Приведу некоторые примеры.

Одессит говорит: "Я нечаянно лопнул стакан". Конечно, не нужно быть специалистом-филологом, чтобы заметить, что выражение это, с точки зрения русского языка, неправильно: глагол "лопнуть" не действительного залога, а потому после него не может быть прямого дополнения (стакан). Однако такая фраза имеет право на существование, ибо ее нельзя заменить другой, такой же краткой и имеющей тот же смысл.

Еще говорят в Одессе: "Я видел тетю вашу идти по Ришельевской улице". Здесь, очевидно, влияние французского языка. Сравните, например: Je vois vous chanter, что значит буквально: "я вижу вас петь". Укажу еще на некоторые одесские фразы.

"Сема, не дрожи диван: ты лопнешь все пружины".

"Ходить пешком или ехать на трамвае — это две большие разницы".

"Вчера на улице была страшная мокрота".

Недавно, сидя в "Иллюзионе", я слышал, как один одессит обратился к громко разговаривающему соседу с замечанием: "Товарищ, вы мне мешаете впечатляться!". И это выражение мне очень понравилось, как новое, оригинальное и очень соответствующее.

Почему одесситу-южанину нельзя того, что можно Игорю Северянину, в особенности теперь, когда у нас равноправие?

Есть у нас один очень известный писатель. Русские писатели считают его еврейским, а еврейские писатели считают его русским. Так и не знали, куда его причислить, пока не открыли, что он пишет на чистейшем одесском языке. Среди его произведений есть "Распад", "Король", "Приключения Леона Дрея", "Комедия брака" и другие. Желающих поближе ознакомиться с одесским языком мы прямо отсылаем к этим произведениям (Семена Юшкевича. — **Сост.**). Это мы считаем тем более необходимым, что в Лазаревском институте восточных языков кафедры одесского языка пока еще не существует.

Маноля

А. М. Ведоровъ.

Шаржъ М. С. Зинкина.
(Изъ собранія шаржъ Лепор-Артис-Клуба).

Поэтъ и художникъ.
При чемъ художники говорятъ, что онъ лучше пишетъ, чѣмъ рисуетъ, а поэты считаютъ, что наоборотъ. Но публика рѣшила иначе.
— И рисуетъ и пишетъ хорошо.
Самымъ лучшимъ своимъ произведеніемъ считаетъ любимого сына.
Милая, простая русская душа.
Поэтъ въ жизни, несмотря на то, что одесситъ.

А. Д. Каршонъ.

Шаржъ М. С. Зинкина.
(Изъ собранія шаржъ Лепор-Артис-Клуба).

Каршонъ аккомпанируетъ "Тиншину".

И. М. Хейфець.

Шаржъ М. С. Зинкина.
(Изъ собранія шаржъ Лепор-Артис-Клуба).

Человѣкъ который даже въ молодости былъ "старымъ театраломъ".
Редактируетъ два изданія:
— "Одесскія Новости" и Литературно-Артистическій Клубъ.
И оба одинаково талантливо.
Отказался отъ приглашенія стать редакторомъ "Биржевки", потому что не могъ перенести въ Петроградъ Одесскую "литературку".
Президентъ республики "Одесскія Новости", хотя самъ — ярый "монархистъ":
— Играетъ только въ "короля".

Д-ръ Я. М. Попичъ.

Шаржъ М. С. Зинкина.
(Изъ собранія шаржъ Лепор-Артис-Клуба).

Начинающій, молодой, подающій надежды врачъ.

Потомокъ Богдана Хмельницкаго.
И. А. Хмельницкій.

Шаржъ М. С. Зинкина.
(Изъ собранія шаржъ Лепор-Артис-Клуба).

Потомокъ Богдана Хмельницкаго.
И отецъ талантливаго сына.
Самъ же — членъ Правленія Литературно-Артистическаго Клуба.
Человѣкъ, у котораго самолюбіе больше его носа.
Обижень, почему министръ юстиціи Керенскій, а не Хмельницкій.

М. И. Дитяровъ.

Шаржъ М. С. Зинкина.
(Изъ собранія шаржъ Лепор-Артис-Клуба).

Одесскій фруктъ.
Сталъ великъ и славень въ Одессѣ.
Изъ монастыря попалъ въ оперетту.
Теперь обратно нехочетъ.
Очень хочетъ пѣть Евгенія Онѣгина, но Онѣгину у него выходить, а Евгеній ни за что...
Популярень, какъ кувака.